

УДК 316.4:316.75

**ТРАВМАТИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ:
ЕВРОПЕЙСКИЙ ПРОЕКТ VS НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС**

Аникин Д.А.

Статья посвящена анализу культурных травм в контексте политической трансформации европейской мемориальной культуры. На примере Польши автор демонстрирует, что конструирование культурных травм в современных условиях выявляет более сложную картину сочетания мемориальных дискурсов. Актуализация культурной травмы разделов Польши и ее контаминация с «двойной оккупацией» нацистским режимом и просоветским правительством приводит к целому ряду политических и этических проблем. Другой тенденцией конструирования культурных травм является усиление конкуренции за образ жертвы с другими постсоветскими государствами, что вызывает потребность в формировании локальных травматических дискурсов.

Ключевые слова: историческая память, травма, конструирование, дискурс, контаминация, конкуренция.

**TRAUMATIZATION OF HISTORICAL MEMORY:
EUROPEAN PROJECT VS NATIONAL DISCOURSE**

Anikin D.A.

The article focuses on the analysis of cultural trauma in the context of the political transformation of European memorial culture. On the example of Poland, the author demonstrates that the design of cultural injuries in modern conditions reveals a more complex picture of the combination of memorial discourse. Mainstreaming the cultural trauma of the partition of Poland and its contamination with the “double occupation” of the Nazi regime and the pro-Soviet government leads to a range of political and ethical problems. Another trend in the design of cultural injuries is the increasing competition for the image of the victim with other post-Soviet states, which causes the need to form the local traumatic discourse.

Keywords: historical memory, trauma, design, discourse, contamination, competition.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00658 «Травмы исторической памяти в сетевом обществе: медиа-репрезентации, социальные риски и стратегии детравматизации».

Историческая память определенного сообщества не является однородным образованием, скорее, она представляет собой лоскутное одеяло, сотканное из обрывков различных дискурсов, зачастую скомпонованных друг с другом в силу случайных обстоятельств, а не в силу рациональных оснований. Но если продолжать такую метафору, то связующей нитью разрозненных образов прошлого являются те немногочисленные исторические события, которые выделяются в силу особой эмоциональной насыщенности, способной преодолеть временную протяженность и остаться актуальной для динамично меняющегося сообщества. Особая эмоциональность связана либо с событиями, которые обладают крайне позитивным воздействием на развитие сообщества, либо демонстрируют критический момент в его истории, своеобразный слом исторического пути, после которого траектория (вне зависимости от того, повернула ли она в лучшую или в худшую сторону) уже никогда не останется прежней.

Как пишет Б. Гизен, «травма и триумф, конституируют "мифомотор" национальной идентичности. Они представляют крайние границы опыта и предельный горизонт для самоопределения коллективного субъекта, так же, как рождение и смерть дают предельный горизонт для экзистенциального опыта индивида» [7, p. 229]. Подобные негативные события в современных *memory studies* принято называть культурной или исторической травмой, хотя использование этого термина, перенятого из медицинской практики, до сих пор

значительно усложняет понимание социальных аспектов подразумеваемого под ним явления.

В понимании травмы следует различать психологическую и социологическую трактовку. Психологическая трактовка травмы сводит ее к болезненному переживанию травмирующего события, в то время как социологическая трактовка делает упор на репрезентацию травмы, ее актуализацию в результате общественного запроса. В этом смысле можно говорить не об индивидуальной, а о коллективной травме. И, соответственно, ставить вопрос о том, какие именно социальные механизмы способствуют тому, что определенное событие становится предметом травматизации со стороны определенного сообщества [3, с. 78-79].

Д. Александер, один из ключевых представителей социологического подхода, соотносит коллективную травму с коллективной идентичностью. Он считает, что в качестве травмы обычно выступает то событие, которое воспринимается в качестве угрозы для коллективной идентичности [2, с. 255]. На примере Холокоста как коллективной травмы он рассматривает траекторию травматизации, делая особый упор на наличии сообщества, которое, по сути, приватизирует определенное историческое событие, избавляя его от дополнительных коннотаций и наделяя однозначным смыслом – не только негативным, но и имеющим конкретного адресата. Важную роль в этом процессе играет аудитория репрезентации, которая выступает в качестве «свидетелей» травмы, не только удостоверяя трагический характер произошедшего события, но и формируя соответствующее отношение к его жертвам.

Но и у Д. Александера в качестве источника травмы выступает то историческое событие, которое относится к «живой», коммуникативной памяти, которое еще не утратило свое эмоционально насыщенное значение, хотя используемый им принцип социального конструктивизма подчеркивает принципиальную неразличимость событий с точки зрения времени их реального существования. Скорее, большую роль играет возможность

механизмов репрезентации актуализировать травматический опыт, а также наличие того сообщества, которое подчеркивает свою символическую преемственность по отношению к жертвам коллективной травмы.

Именно поэтому представляется существенным различие коллективной и культурной травмы, которое осуществлено Р. Айерманом. Коллективная травма имеет общую природу с индивидуальной, но отличается от нее по своим масштабам. «Как и индивидуальная травма, кризис на уровне общества – это одновременно и потрясение привычных шаблонов и идентичностей, и новые возможности, поскольку для натренированного взгляда он раскрывает то, что иначе остается глубоко запрятано» [1, с. 123]. По сути, коллективная травма представляет собой лишь совокупность индивидуальных травм, связанную с непосредственным переживанием социального потрясения. Детравматизация в случае коллективной травмы связана, в основном, с устранением психологических последствий конкретного события, адаптации его участников и очевидцев к изменившемуся социальному ландшафту.

Совсем иное значение приобретает культурная травма. Под ней Р. Айерман понимает «процессы создания смыслов и атрибуций, длящуюся борьбу, в которой разные индивиды и группы стремятся определить ситуацию, управлять ею и контролировать ее» [1, с. 125]. Культурная травма представляет собой социальный конструкт. Это, однако, не отменяет ее эмоциональной насыщенности, но добавляет существенные трудности в ее устранении, поскольку речь идет не о применении психологических методик адаптации, а о налаживании символических связей между различными сообществами. Особенно важно то, что именно в случае культурной травмы возникает и осознается противоречие между жертвой и преступником. Можно даже сказать более резко: культурная травма конструируется за счет приписывания одному сообществу статуса жертвы, а другому – статуса преступника. Естественно, что любые локальные высказывания, не вписывающиеся в общую логику травматического дискурса, игнорируются или рассматриваются в контексте дискредитации образа жертвы.

Не менее важным вопросом является анализ того, кто является субъектом культурной травмы. А. Нил справедливо указывает, что травматизация прошлого наиболее присуща именно национальному историческому нарративу, что связано с особенностями его структурной организации. Такой нарратив строится не вокруг конкретной фигуры правителя или сменяющих друг друга по наследству правителей, что свойственно династическому государству, а призван усиливать консолидацию представителей определенного сообщества за счет подчеркивания общей трагической судьбы [8, p. 14-16].

Большую роль в усвоении культурной травмы именно национальным сообществом играет система образования, благодаря которой новые представители указанного сообщества получают соответствующую «эмоциональную прививку». Функциональный аспект травматизации был раскрыт еще Д. Александером, подчеркнувшим, что любая трагедия выступает важнейшим фактором сплочения национального сообщества, подобно тому, как Холокост не просто способствовал сплочению еврейского народа, но и сделал возможным институционализацию его коллективного существования.

В отличие от анализируемой Д. Александером ситуации конструирование современных травм исторической памяти происходит в принципиально ином политическом контексте, специфика которого обусловлена сочетанием двух накладывающихся друг на друга процессов – европейской интеграцией и мощным ренессансом национального (или даже националистического) дискурса на постсоветском пространстве. Под постсоветским пространством в данном случае понимаются не только государства, обозначающие свою преемственность по отношению к бывшим республикам Советского Союза, но и те страны Восточной Европы, в которых после завершения Второй мировой войны воцарились прокоммунистические режимы. Проблемы, порождаемые столкновением различных политических дискурсов и порождаемых или мемориальных практик, можно отчетливо увидеть на примере Польши.

Крах коммунистического режима в Польше сопровождался усилением негативных оценок не только по отношению к политической элите, но и по

отношению к той мемориальной культуре, которая складывалась в послевоенной Польше и центральным элементом которой являлась победа Советского Союза в Великой Отечественной войне. Резкое перекодирование политической реальности привело и к переосмыслению этого события, которое если и не стало наделяться откровенно негативными коннотациями, то утратило значительную часть своего символического потенциала. На смену идее освобождения страны от нацистской агрессии пришла идея смены одной оккупационной системы другой, причем меньшее количество жертв советского режима искупалось в символическом смысле долговременностью его существования. В Восточной Европе, относительно безболезненно (за исключением Румынии) освободившейся в результате «бархатных революций» от советского влияния, восторжествовала концепция «двух тоталитарных режимов», которая символически уравнивала нацизм и сталинизм, если не с точки зрения единства их происхождения, то с позиции негативного воздействия на судьбу национальных сообществ.

Политические изменения существенно сказались и на трансформации мемориальных дискурсов, обосновывающих место и роль того или иного государства в ходе Второй мировой войны. Если советский дискурс акцентировал внимание на значении Победы, сознательно заменяя официозным пафосом трагический аспект понесенных потерь, то на долю остальных стран «советского лагеря» приходились роли «младших братьев», внесших свой вклад в разгром врага, но при этом не справившихся без поддержки «старшего брата». В отличие от западноевропейской культуры памяти, к 70-м годам XX века усвоившей (хоть и не без определенных трудностей) травматический дискурс Холокоста, приобщение восточноевропейских стран к данному дискурсу оказалось возможным только после их политической переориентации.

В начале 90-х годов начинается виктимизация польской памяти, точнее говоря, подчеркивание жертвенности, артикулировавшееся в оппозиционной политической культуре, которое стало существенной частью официального нарратива. А.Г. Васильев справедливо отмечает, что виктимный характер

польской мемориальной культуры формируется не в XX веке, а является логическим следствием попыток осмысления разделов Речи Посполитой в польской историографии XIX века [4, с. 232-235].

Можно выделить две стратегии осмысления «травмы разделов», которые условно обозначаются как «оптимистическая» и «пессимистическая». «Оптимистический» дискурс выполнял контрпрезентную функцию, рассматривая распад Речи Посполитой как трагическую случайность, вызванную происками врагов, а не собственными проблемами польского государства. «Пессимистический дискурс» стремился не к обоснованию претензий на территориальные и политические горизонты прошлого, а к объяснению причин возникновения того польского общества, каким оно предстало в результате разделов. Иначе говоря, если первый дискурс ориентировался на формирование морального ресентимента по поводу «утраченного рая», то второй дискурс стремился к рационализации событий прошлого и их прочтению в реальном политическом, экономическом и культурном контексте.

Что же произошло в ситуации распада советской политической системы и пробуждения национального дискурса в польском обществе? Во-первых, прекращение идеологической зависимости привело к ретравматизации польского прошлого, когда вновь актуальными стали коллективные переживания по поводу утраченного политического и цивилизационного статуса. Сложность данной мемориальной конструкции усложнялась дополнительной идеализацией Второй Речи Посполитой (1918-1939) и, соответственно, ее соотносением с еще более отдаленным и еще более идеализированным образом Польши. Во-вторых, политическая переориентация на западноевропейскую культуру памяти привела к необходимости усвоения новой травмы, связанной с Холокостом, и, при этом, предлагавшей полякам намного менее выгодную роль свидетелей и очевидцев, а не жертв травмирующего события.

Существенным дополнением к актуализированному травматическому нарративу стало удвоение характера травм – трагическое наследие не только нацистского, но и советского режима. Проблема заключалась только в том, что контуры тех сообществ, которые складывались вокруг конструирования данных травм, не полностью совпадали друг с другом, что порождало возможность возникновения мемориальных лакун. Подобная *контаминация* культурных травм способствовала ослаблению функциональной роли травмы в процессе консолидации национального сообщества и актуализировала возможность выбора того исторического события, которое является более травматическим. Иначе говоря, в зависимости от того, что именно считать культурной травмой – нацистский режим или советскую власть – формируется определенный пантеон героев, который не обязательно будет совпадать. А этот факт, в свою очередь, создает парадоксальную ситуацию, когда национальный герой может утратить свой ореол, если изменить ракурс восприятия. Например, непримиримый борец с советским режимом может оказаться не столь непримиримым, если речь идет о режиме нацистском, а это уже не вписывается в общеевропейский дискурс памяти о Второй мировой войне.

Показательно, что вызвавшая недавно большой шум в российском обществе резолюция Европарламента от 19 сентября 2019 года, наряду с осуждением сталинского режима, содержит несколько пунктов, отчетливо направленных не против России, а против стран Восточной Европы. Так в 7 пункте Европарламент «осуждает исторический ревизионизм и прославление нацистских коллаборационистов в некоторых государствах-членах ЕС; глубоко обеспокоен растущим признанием радикальных идеологий и возвращением к фашизму, расизму, ксенофобии и другим формам нетерпимости в Европейском Союзе и обеспокоен сообщениями в некоторых государствах-членах о сговоре между политическими лидерами, политическими партиями и правоохранительными органами и радикальными, расистскими и ксенофобными движениями различных политических конфессий; призывает

государства-члены самым решительным образом осудить такие акты, поскольку они подрывают ценности ЕС-мир, свободу и демократию» [6].

Нетрудно заметить, что указанная формулировка напрямую отвергает возможность совмещения националистических дискурсов с той мемориальной культурой, которая сформировалась на протяжении последних десятилетий в западноевропейском обществе и оказалась экстраполирована на новых участников Европейского Союза.

Другой важной тенденцией современного конструирования культурных травм в Польше является открытая конкуренция подобных травм и репрезентирующих их публичных дискурсов с аналогичными культурными явлениями в других странах, относящихся (в широком смысле) к постсоветскому пространству. Любые попытки преуменьшения собственных травм трактуются в условиях ожесточения конкуренции не просто как дискредитация национального исторического нарратива, а как предательство интересов собственного народа. Показательной является история книги польского историка Яна Гросса «Соседи», которая даже на уровне названия означала символическое перекодирование роли поляков в геноциде евреев во время Второй мировой войны [5]. На смену героизированному нарративу борцов с нацизмом советской эпохи и виктимизированному нарративу постсоветского времени пришло понимание той негативной роли, которые сыграли многие поляки в судьбе своих еврейских соседей.

Но появление подобных работ, направленных на развенчивание складывающегося жертвенного нарратива, сопровождается усилением в Польше и противоположной тенденции, а именно – усилить свою роль в качестве жертв, причем не только за счет увеличения количества, но и за счет поиска новых преступников (например, спор с Украиной о т.н. «Волынской резне»).

Таким образом, вопрос о конструировании культурных травм на теоретическом уровне нельзя считать завершенным, поскольку ситуация Холокоста отражает конкретную социальную и политическую ситуацию в

Европе 60-70-х годов XX века. Изменение политического контекста не просто приводит к возникновению новых травм, но делает процесс их конструирования более сложным и нелинейным, сопряженным со сложной траекторией трансформации современного национального государства.

Список литературы:

1. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2003. Т. 12. № 1. С. 121-138.
2. Александр Д. Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис, 2013. 512 с.
3. Аникин Д.А., Головашина О.В. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 425. С. 78-84.
4. Васильев А.Г. «Падение Польши» и модели мемориализации травмы // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. 2012. С. 215-248.
5. Гросс Я. Соседи: История уничтожения еврейского местечка. М.: Текст, 2002. 155 с.
6. European Parliament resolution of 19 September 2019 on the importance of European remembrance for the future of Europe [Электронный ресурс] // European Parliament [сайт]. 2019. URL: <http://bit.ly/2Zsszuu> URL: (дата обращения: 12.12.2019).
7. Giesen B. National identity as trauma: the German case // Myth and memory in the construction of community. Bruxelles: P.I.E.-P. Lang, 2000. P. 220-232.
8. Neal A.G. National trauma and collective memory: major events in the American century. N.Y.: M.E. Sharpe, 1998. 222 P.

Сведения об авторе:

Аникин Даниил Александрович – кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории политики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры теоретической и

социальной философии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия).

Data about the author:

Anikin Daniil Aleksandrovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of History and Theory of Politics Department, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor of Theoretical and Social Philosophy Department, National Research Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia).

E-mail: dandee@list.ru.